

ШАРАФ
РАШИДОВ

КНИГА ДВУХ СЕРДЕЦ

КИНОСЦЕНАРИЙ

Старинная книга. Каждая страница ее — драгоценная жемчужина каллиграфического искусства, орнамент заставки расписан золотом, серебром и разноцветными красками.

Поверх арабского шрифта наплывают строки:

*«Рассказывают в сказках, будто встарь
Жил Карашах на свете — Черный царь.
И во дворце его, как снег бела,
Прекрасная танцовщица жила...»*¹

Строки эти исполняет и хриловатый голос сказителя. Плавно покидая страницу книги, взгляд наш останавливается на соседней странице: там — старинная миниатюра,

¹ Стихи, включенные в киносценарий, печатаются в переводах Л. Пеньковского, А. Кочеткова, В. Державина и А. Адалис.

на ней изображен танец Комде. Голос сказителя продолжает:

*Затоплен мир был красотой Комде,
Для всех была такой мечтой Комде,
Что ухо как бы превращалось в глаз,
Чуть начинался о Комде рассказ...*

Раздалась звуки танцевальной музыки. Но миниатюра не оживает, она становится лишь крупнее и крупнее: Комде «замерла» в вихре танца, на ней яркие одежды и украшения.

Все громче звучит музыка. И вдруг появилась рука живописца. Тонкой кисточкой наносит она на миниатюру последние штрихи.

Это в маленькой дворцовой комнате живописец Атуп Чатр — не нарисованный, а живой — пишет миниатюру «Танец Комде».

Играют на вине, болури и других инструментах музыканты. И перед Карашахом — Черным царем тоже не нарисованная, а живая Комде исполняет танец такой красоты, что все слова для него бедны.

Атуп Чатр в последний раз прикоснулся рукой к миниатюре. И опустил кисть. Музыканты умолкли, Комде перестала танцевать.

Глядя на миниатюру, Карашах говорит живописцу:

— Твое искусство достойно ста тысяч восхищений и одобрений!

Атуп Чатр склоняется до земли.

— ...И мы щедро тебя наградим!

Карашах хлопнул в ладоши, вошел кривой эмир.

— Повелеваем, — говорит Карашах, — выпутать его глаза, дабы он не мог нарисовать ее второй раз. А чтобы он не был в убытке, вместо глаз вставить ему два рубина из нашей казны! — К Атуп Чатру: — Мы поселим тебя навсегда в нашем дворце, и ты будешь есть и пить сколько захочешь!

Гася пламень глаз, Атуп Чатр склоняется ниц:

— О могущественный шах! Благодарю за милость!

Внезапно раздается голос Комде:

— У меня — желтый браслет, а он нарисовал красный!

Карашах взглянул на миниатюру:

— Поистине, у нее желтый браслет. Почему же ты нарисовал красный?

Живописец почтительно склонил голову:

— У меня кончилась желтая краска. И потом, у нее платье цвета шафрана, а шафрану более приличествует красный цвет.

— Если бы я хотела надеть красный браслет, я надела бы красный браслет! — говорит Комде. — Но я надела желтый! Пусть он нарисует желтый браслет!

Карашах повернулся к кривому эмиру:

— Прикажи принести желтую краску!

Эмир ушел.

Карашах говорит:

— Сейчас принесут краску, и он нарисует тебе желтый браслет!

— Вот что! — сказала капризно Комде. — Уж если он все равно нарисовал красный браслет, а не желтый, так пусть он нарисует синий браслет! Я хочу синий!

Атуп Чатр улыбнулся шаху:

— О прибежище мира! Наши мудрецы говорят: когда Тваштри взялся за сотворение жепщины, он увидел, что все плотные материалы израсходовал уже на сотворение мужчины. И, поразмыслив, он поступил так: взял гибкость тростника и прелесть цветка, плач облаков и переменчивость ветра, робость зайца и тщеславие павлина, сладость меда и свирепость тигра, жар огня и холод снега, вероломство журавля и верность дикой утки, болтовню сойки и воркование голубя и, смешав все это, сотворил жепщину.

— Поистине так! — проворчал Карашах и встает. Обращается к Комде: — Нам надоело слушать тебя. Пусть он нарисует синий браслет!

Идет к двери. Остановился, говорит живописцу:

— Но не вздумай от нас убежать. Мы все равно тебя найдем, даже если ты спрячешься на дне моря, в желудке рыбы!

— Пойдем! Я покажу тебе мой синий браслет! — сказала Комде Атуп Чатру.

Музыканты провожают глазами Комде и живописца.

Она ведет его по узкому коридору, говорит с насмешкой:

— Радоваться, что шах выколет глаза, может только глупец!

Атуп Чатр улыбнулся:

— Я ел гранат, а у тебя на зубах оскомина. Разве тебе не известно:

Если шах скажет днем: «Наступила ночь»,
«Вижу месяц и звезды!» — кричи во всю мочь!

Комде остановилась:

— Ладно! Пусть остается красный браслет! — Отдает ему миниатюру. — Выйдешь в сад, дашь привратнику это кольцо, и тебя выпустят. Иди! — открывает потайную дверь.

— Я должен вернуться? — тихо спрашивает Атул Чатр.

— Если тебе не терпится получить драгоценные камни в обмен на глаза, тогда ты, конечно, вернешься, — невозмутимо сказала Комде.

Атул Чатр говорит:

— Спасибо тебе за доброту!

Комде закрыла за ним потайную дверь. Возвратилась к музыкантам, приказывает:

— Играйте!

Они ударили в струны, задули во флейты. Комде начала танцевать.

* * *

Переворачивается страница старинной книги, и поверх арабского шрифта наплывают строки:

*«А в те года в одной из дальних стран
Жил некий музыкант — певец Модан...»*

* * *

Чайхапа. На расшитом паласе сидит Модан. Он молод, красив, из-под его тюбетейки свешивается яркий тюльпан. В пиалу, которая ходит по кругу, виночерпий наливает из кожаного мешка мусаллас.

Рядом с помостом чайханы в тандыре — особой среднеазиатской печи — пекутся хлебные лепешки. Пекарь вынул из тандыра лепешки, несет их — еще дымящиеся — на помост.

Подмигнув ему, Модан взял в руки большую лепешку, ударил в нее, как в бубен, и запел касыду Сайядо Насафи:

— Что ж... Смотри!

Атуп Чатр вынул из складок одежды небольшой сверток, развернул. Показывает Модану миниатюру «Танец Комде». Все в чайхане вскочили — посмотреть миниатюру.

А Модан прикрыл рукой глаза, будто в лицо ему блеснул ослепительный свет, опять открыл. Смотрит не отрываясь:

— Где она? Как ее имя?

Атуп Чатр загадочно вздохнул:

— Она далеко, ее не найдешь. А если и найдешь, ее не догнать.

— Разве бывает луна не далекая и есть разве газель не убегающая?! — восклицает Модан, любуясь миниатюрой. — Она прекрасна! А блеск ее лица как начищенный меч!

Легкая усмешка тронула губы Атуп Чатра:

— Блеск меча радует взоры, но когда взмахивают им, в нем острая гибель! Я чуть не лишился глаз из-за этой красавицы. Оставь надежду, юноша!

Забирает миниатюру. Модан вскочил:

— Нет! Ты скажешь, кто она!

Атуп Чатр молчит. Модан восклицает, держась рукой за сердце:

— Ты принес дрова для того костра, который зажег? А теперь отказываешься говорить?!

— Почему же, могу и сказать... Знай же, что ее зовут Комде. И туда, где она живет, есть близкий путь — для орлов и дальний путь — для людей. Чтобы достигнуть ее города, тебе придется на многие месяцы стать пастухом звезд. Она живет во дворце самого Карашаха.

— Укажи мне путь для орлов! — восклицает Модан.

— Они перелетают туда через стену Ледяных гор!

— Клянусь, — говорит Модан, — я перелезу через эту стену, хотя бы в небесах облака на меня проливали огонь!

* * *

Переворачивается страница старинной книги, мы читаем:

*«Как резкий звук оборванной струны,
Он вдаль рванулся из родной страны...»*

Модан едет в далекий путь. Он в дорожной одежде, через седло его коня переброшены переметные сумы. Певца сопровождают до края родной земли трое всадников — двое джигитов и старик дехканец, который бережно держит в руках что-то завернутое в маргеланскую ткань.

Все селение провожает Модана — мужчины и женщины, ребятишки и старики. Чайханщик говорит грустно:

— Уходит от нас песня в дальний путь!..

...Модан едет через многолюдный город — то ли Самарканд это, то ли благородная Бухара: сверкают на солнце бирюзовые купола медресе и мечетей. Тысячные толпы народа провожают певца:

— Скорей возвращайся, Модан! Без твоих песен осиротеют наши дома!

...Модан и его спутники едут по полям, изрезанным коричневыми арыками. Какой-то дехканец с кетменем говорит:

— Кто теперь нас развеселит? Кто споет нам «Вы круглые сироты» так, чтобы сердце задрожало и брызнули слезы из глаз?!

...И пастухи на горных пастбищах провожают Модана. Глядя ему вслед, один говорит:

— Да будет земля мягка под копытами его скакуна!

...И вот уже на снежном перевале Модан прощается со своими тремя спутниками. Величавый старик бережно разворачивает маргеланскую ткань, протягивает Модану старинный танбур:

— Сынок! Много лет назад наши воины увезли этот танбур из земли, где правит сейчас Карашах. Возврати его людям той земли, пусть он опять приносит им радость!

Модан взял танбур. Старик заключил:

— Этот танбур обладает волшебными свойствами. Но не трогай его струн, пока не перевалишь через Ледяные горы.

— Хорошо, отец!

Не слезая с седла, Модан и старик обнимаются.

Модан тронул коня. Перед ним — грандиозная панорама Ледяных гор.

Держа в руках танбур, Модан на коне скрывается среди льдов и снегов. Величавый старик говорит:

— Пусть ни тигр, ни леопард, ни злой человек не встретятся ему на пути!

* * *

Горные вершины белеют вверху. Из ущелья вырывается взъерошенная па камнях река. На склоне, возле дикого куста роз,— старый Бахунатджи и его внук.

— Счастливым день сегодня для нас, о сын моего младшего сына! — говорит старик мальчику. — Боги Ледяных гор подарили нам этот розовый куст!

Шумит река, поют птицы, цикады тянут свою немолчную песню. Старый Бахунатджи положил на камень дорожный мешок и длинным пожом стал выкапывать корни розового куста.

— Дедушка,— говорит мальчик. — А какие это боги Ледяных гор?

— Все боги пришли к нам с Ледяных гор! — торжественно говорит Бахунатджи, показывая на белую корону

снежных вершин. И с Ледяных гор они послали к нам священные реки. Все цветы земли они тоже принесли с Ледяных гор! Даже все звуки!

— Как это принесли звуки? — удивился мальчик.

— А так. — И старик начал рассказывать: — Было время, когда на земле звуков не было: птицы не умели петь, и не рычали звери, и люди не говорили, и флейты не играли, и не свистел ветер, и не шумела река, и даже кузнечики не трещали в траве...

Старик присел на камень:

— ...Потом родился мастер. Это был простой человек. Он, как и все люди, мечтал о справедливости, о покое, о счастье. Но как передать богам просьбу об этом? Ведь люди не умели еще говорить. И тогда мастер сделал танбур. И такая у мастера была чистота сердца, что с помощью танбура он смог выразить больше, чем даже если бы умел говорить...

Старый Бахунатджи помолчал, оглядел снежные зубцы гор и закончил:

— ...Услышав танбур, боги Ледяных гор обрадовались. И решили отблагодарить мастера. Как только в руках мастера танбур умолк, тотчас же люди вдруг заговорили, и запели птицы, и засвистели ветры, и зашумела река! Все звуки мира от волшебного танбура!

— А где теперь этот танбур, дедушка?

— Многие годы он хранился у потомков мастера, — ответил Бахунатджи. — Говорят, когда кто-нибудь начинал играть на этом танбуре, все звуки вокруг умолкали, стыдась своего несовершенства. Потом волшебный танбур пропал, может, разбили его, может, куда-нибудь увезли...

И старик опять принялся ножом освобождать от земли корни розового куста. Вокруг все так же тянут свою немолчную песню цикады, поют птицы, в стороне шумит река.

Мальчик прислушался.

— Как много звуков! Послушай, дедушка!.. Слышишь?.. Что это?

— Это закричала обезьяна в лесу... — сказал Бахунатджи. — А это — крик дикого гуся.

— А это пролетел шмель воп за тем кустом! — подхватил мальчик.

— Да. А это...

Договорить ему не пришлось. Бахунатджи открывает и закрывает рот, но слов не слышно. И шум реки тоже оборвался, умолк. И не слышно ни птиц, ни цикад. Издали доносится странная музыка.

По губам мальчика мы догадываемся — он кричит: «Дедушка! Что это?» — но тоже не слышим ни слова. Раскрыв рот, старый Бахунатджи смотрит в сторону ущелья. Все явственней, все ближе музыка. И из-за скалы выезжает всадник.

Это Модан. Он едет верхом на коне и играет на танбуре. Он все ближе, ближе. Восторженно смотрит на него мальчик, изумленно — старый Бахунатджи. Модан подъехал, оторвал пальцы от струн танбура. И сразу зашумела река. И запели птицы. Воздух вновь наполнился звуками.

А Модан соскакивает с коня:

— Мир вам!

— Кто ты? И откуда у тебя этот танбур? — спрашивает, поздоровавшись, старый Бахунатджи.

— Зовут меня Модан! — сказал юноша. — А танбур я должен вернуть людям вашей земли. Это — волшебный танбур.

Бахунатджи с внуком переглянулись.

— А ну, покажи...

Дрожащими руками взял старик танбур, оглядывает, возвращает Модану.

— А куда ты держишь путь, юноша?

— Во дворец самого Карашаха, — сказал Модан, передавая танбур потянувшемуся мальчику. — Я ищу мою возлюбленную!

Бахунатджи заговорил:

— Любовь — да возвеличит тебя она! — поначалу шутка, но в конце — дело важное. Сколько скупых от любви расщедрилось, и угрюмых развеселилось, и трусов расхрабрилось, сколько грубых по природе разволновалось, и глупых научилось, и неряшливых прибралось, и бедняков украсилось! Но любишь ли ты ее по-настоящему?

— Клянусь! — восклицает Модан. — Моя любовь к ней чище воды, мягче воздуха и крепче гор!

— А как имя твоей возлюбленной?

Модан открыл рот, но старик не услышал, потому что мальчик провел пальцами по струнам танбура, и голос у Модана пропал. Звук танбура затих.

Старик спросил:

— Как? Как? — и прикрикнул на мальчика, увидев, что тот вновь потянулся пальцами к струнам: — Не мешай!

Но струна опять зазвенела, запела. И опять одними губами произнес Модан имя любимой. Старик выхватил танбур из рук внука, передал юноше. И только тогда наконец Модан смог выговорить:

— Комде...

— Комде?! — воскликнул Бахунатджи. — Трудно будет тебе ее увидеть! Еще труднее достичь желаемого! — Помолчал. — Но я научу тебя, юноша, и трудное станет легким.

Показывает на розовый куст.

— Да не останется скрытым перед тобой: я — садовник самого Карашаха и приехал сюда искать редкие цветы для дворца. Я тебе помогу.

* * *

Столица Карашаха. Базар. Выкрики продавцов, стоны верблюдов, крики обезьян и ослов, грохот в мастерских посудников, в кузницах...

И вдруг! Кузнец бьет молотом по наковальне, но не слышно ни звука. Он удивлен. Посудники бьют молотками, но грохота нет. Оборвались выкрики торговцев, пение деревней — все звуки базара!

Мастер музыкальных инструментов дергает молчащие струны, в недоумении прочищает уши, трясет головой, наконец, поворачивается, прислушивается. Вдали звучит чарующая музыка танбура. Мастер, а за ним одни ремесленник, второй, третий покидают свои мастерские, идут в ту сторону, где слышится музыка. Со всех сторон базара спешат туда толпы людей...

Модан сидит в саду у ворот, играет на танбуре. Позади него — павлин на гранатовом деревце. Возле Модана садовник вынул из мешка розовый куст, сажает в землю с помощью внука. Сбегаются ремесленники, горожане. Слово замороженные, слушают они танбур Модана.

Среди них — придворный поэт шаха Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби. На нем богатая одежда, пышный тюрбан.

* * *

А во дворце, в маленькой комнатке, перед Карашахом танцует Комде.

Слуга открыл дверь на террасу — послышалась далекая мелодия танбура. И сразу звуки дворцового оркестрика оборвались. Замолчала вина под пальцами музыканта; молчит болури, сколько ни дует в нее второй музыкант; не слышно звуков ударных — мридаптама, гхатама и канджир, хоть музыканты в них и колотят вовсю. Тощий музыкант с удивлением посмотрел на своих сотоварищей. Карашах гневно вскочил, грозя кулаком.

А Комде выбежала на террасу. Она видит внизу — берег реки, и сад, и толпу...

* * *

Там Бахунатджи уже посадил розовый куст. И Модан повернулся лицом ко дворцу, к его мраморной стене, увенчанной башенками. Обращаясь к далекой Комде, он запекает песню на слова Атап:

— Красотой от мук целиться — тем живу!
Петь, когда любимой спится, — тем живу!
То коралл, то жемчуг тайный лью из глаз,
С розой роз губам слиться — тем живу...

Слушают восхищенные ремесленники и горожане. Важно слушает поэт Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби. Далеко на террасе слушает Комде, очарованная удивительной песней.

— По ночам спадают слезы — чаще звезд.
Глаз двузвездьем озариться — тем живу!
Отлетев, как мяч, от сети кос твоих,
К ним опять в тоске стремиться — тем живу!

Перед Моданом, под дыханьем его, на кусте распускается желтая роза. Раскрыв рот, смотрит на это старый Бахунатджи.

А во дворце Карашах сделал гневный жест стражникам. Они выбегают на террасу к Комде, хватают ее. Она рвется из их рук к далекой песне.

— Твой Модан сто раз в печали умирал.
Раз бы в радости родиться — тем живу!
Твой Модан болел разлукой сотни раз.
Раз бы встречей излечиться — тем живу!

Стражники уволакивают Комде в помещение. Закрыли дверь. Карашах говорит гневно:

— Танцуй!

В смятении Комде стоит перед шахом. Заиграли музыканты, и смятение Комде переходит в «Танец раненой птицы».

* * *

Модан в саду беседует с ремесленниками и горожанами, кончает рассказывать:

— ...И, как только я увидел ее изображение, я покинул свой дом. С тех пор как будто из бегущих облаков сделан я, и не перестает ветер толкать меня к краям неба!

— Комде увидеть нельзя,— сказал один из ремесленников.

— Ее забрали у нас, и теперь она танцует для шаха! — подхватил второй.

— Заперли во дворце наше счастье,— сказал мастер музыкальных инструментов.

Модан пылко восклицает:

— Я должен попасть во дворец, и увидеть Комде, и сделать так, чтобы она хотя бы наполовину стала такой, каким я стал от любви к ней!

— Поистине, твое ремесло опасно, юноша,— говорит Мухаммад Мухасин Фопи Нахшеби, выходя из толпы и садясь рядом с Моданом.— Если шаху не понравится кувшин, его можно разбить. Ковер можно изорвать. Но с песней ничего сделать нельзя. Она летит из уст в уста, и певцу в конце концов отрубают голову!

— Но почтенный Бахунатджи обещал мне помочь!

— Бахунатджи — искусный садовник,— ответил придворный поэт.— Однако помочь тебе попасть во дворец, да еще при этом увидеть жасминогрудую... Знай: те, которые желают иметь все, теряют в конце концов все!

Тут вмешался садовник:

— Не следует останавливать влюбленного! Ибо кто не влюблен — тот не человек!..

Срывает с куста желтую розу, протягивает Модану:

— Возьми, она расцвела от твоей песни!..

Повернулся к поэту:

— О великодушный Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби! Вам известны все изгибы души нашего шаха, и вы умеете слагать стихи, как никто. Помогите желтой розе соединить свои лепестки с белоснежной. И когда вы умрете — бог прохладит вашу могилу! И все влюбленные будут вас прославлять!..

* * *

И вот уже Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби, придворный поэт, стоит в тронном зале перед шахом и, с необыкновенным пафосом, воздевая руки и завывая, читает стихи:

— ...Нет, люди так не цели до сих пор!
Казалось — пел не он, а целый хор,
Казалось — весь он музыкой звучал,
И каждой порою звуки излучал,
И в каждом звуке был особый мир,
И каждый душу возносил в эфир!
Когда рукою струн касался он —
Волшебным чангом сам казался он!..

Карашах спрашивает:

— Это — твои стихи или это — на самом деле?

— На самом деле, — говорит Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби. — Но и стихи! Этот чужестранец поет так, что все другие певцы перед ним — зола!

И он опять перешел на стихи:

— Он соловей, взлелеянный в раю,
И если в нашем он запел краю,
В том добрый знак судьбы, конечно, есть.
Услада людям, государству честь!..

— О упование и сновидение всех владык мира! Великий шах покроет весь мир куполом своей славы, если устроит пир и покажет гостям искусство двоих: Комде и Модана!

— О, если на торжественном пиру
Соединить их пляску и игру!
Такого пения, такой игры
Не видывали царские пиры!..

— Хватит, хватит,— прервал его Карашах.— Мы видим, что ты предап нам и печешься о нашем велпчии. Наполнишь его рот жемчугами!

По знаку Карашаха, Мухаммаду Мухасину Фони Нахшеби подносят кувшин, полный жемчуга. Поэт жадно зачерпывает жемчуг горстями, набивает себе рот. Стоит с набитым ртом.

А Карашах говорит приближенным:

— Готовьтесь к пиру! Пусть все цветы и вина земли изольют на нем свои краски и запахи! И пусть на пир придут гости из семи частей света!

* * *

Переворачивается страница старинной книги, мы читаем:

*«Все превратилось в зрение и слух,
Все онемели, видя этих двух...»*

* * *

Широкий дворцовый двор с аркадами и садами. Деревья и кусты сверкают от золотых блесков и нитей. На троне восседает Карашах. С его шеи до живота свисает драгоценное ожерелье-гирлянда.

У подножия трона, под шелковым балдахном — эмиры. На коврах — гости из семи частей света. Над «тропным залом» натянута на золотых веревках разрисованный тент, шелковые кисти висят на его концах. В просветах видно голубое небо. Под самым тентом — балкончик с резным барьером.

Пир в разгаре. Играют музыканты, гости пьют, веселятся. Виночерпичи обносят гостей. С ковра встает раджа. Он вынул из клетки попугая, сажает его внутрь причудливого кольца. Вместе с ним встал какой-то старичок с книгой в руках.

Модан с танбуром сидит среди гостей, смотрит на раджу и старичка.

— О великий шах! — говорит раджа.— Мой каллиграф переписал для повелителя «Сказки попугая»!..

Кланяясь, старичок протягивает книгу придворному слуге.

Раджа продолжает:

— А вот и тот знаменитый, единственный в мире говорящий попугай, который рассказал эти сказки Худжасте!

Кривой эмир принимает из рук раджи кольцо с попугаем. Карашах спрашивает:

— Почему же попугай молчит и не приветствует нас?

— О великий шах! — ответил раджа. — С тех пор как сказки этого попугая перевели на все языки мира, он заважничал, и вот уже сто лет не вымолвил ни слова!

Карашах самодовольно усмехнулся:

— У нас он заговорит! Поместить его тут! — указывает слева от трона.

Комде смотрит с балкончика на попугая. У него зеленые крылья, на шее розовая полоска, он вцепился когтястыми лапками в кольцо. Кривой эмир подвешивает его возле трона.

Пир продолжается. По знаку Карашаха, Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби жестом поднимает Модана с ковра.

Комде смотрит сверху. Модан не видит ее, обводит взглядом гостей, поднял глаза. Комде отшатнулась в глубь балкончика, но Модан успел заметить ее, улыбнулся счастливой улыбкой, прошелся пальцами по струнам табура и запел:

— Ты, чье сердце — гранит, чьих ушей серебро —
колдовское литье,
Унесла ты мой ум, унесла мой покой и терпенье мое!
Шаловливая пери, плясунья в атласной кабо,
Ты, чей облик — луна, чье дыханье — порыв, чей язык —
лезвиё.

По залу прошел одобрительный гул. Прикрывая лицо платком, Комде выглядывает из глубины балкончика. Модан поет:

— От любовного жара, от страсти любовной к тебе
Вечно я клокочу, как клокочет в котле огневое питье.
Должен я, что кабо, всю тебя обхватить и обнять,
Должен я хоть на миг стать рубашкой твоей, чтоб
вкусить забытье!..

Он не в состоянии не глядеть на Комде, он поет для нее газель Хафиза. Но никто не видит красавицу. А Комде, прикрывая лицо концом платка, не может оторвать глаз от певца.

— Пусть сгниют мои кости, укрыты холодной землей,
Вечным жаром любви одолею я смерть, удержу бытие.
Жизнь и веру мою, жизнь и веру мою унесли
Грудь и плечи ее, грудь и плечи ее, грудь и плечи ее!
Только в сладких устах, только в сладких устах, о Модан,
Исцеленье твое, исцеленье твое, исцеленье твое!

Раздались восторженные крики. Тощий музыкант воскликнул:

— Счастлив шах, имеющий такого певца!

Ниаенький музыкант подхватил:

— Никогда не умрет слава шаха, при дворе которого так искусно поют!

В порыве восторга Карашах сорвал со своей шеи драгоценное ожерелье-гирлянду. Подошел к Модану, вешает ему ожерелье на шею. Все кричат:

— О непревзойденная щедрость!.. О неслышанная милость!.. Никогда еще не видел мир такого ценителя искусств, как наш шах!..

Среди ветвей дерева, сверкающего от золотых блесков, виднеется лицо мальчика — внука Бахунатджи. Забравшись на дерево, с восхищением глядит он на юношу в ожерелье.

Модан склонил голову:

— Я буду гордиться подарком шаха перед всеми людьми!

Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби шепчет:

— Падай... На колени падай...

Модан не слышит: его взор устремлен к балкончику. Смотрит на певца Карашах. Смотрит на него попугай, вертя головой с желтым глазом, окаймленным красным кольцом. Придворный поэт извиняется перед шахом:

— Не знает обычаев... Извините его... Чужеземец...

Карашах усмехнулся, садится на трон. А вокруг не умолкают славословия повелителю.

Заиграли на гхатамах музыканты. Прижимая к животам эти ударные инструменты, похожие на кувшины, музыканты в бешеном ритме выбивают пальцами мелодию. Выбежало несколько танцовщиц. Начался танец.

С восхищением смотрит мальчик сквозь ветви дерева. Попугай склонил голову набок и замер, созерцая. В разгаре танца в него вступает Комде. Но ее танец лучше всего описать словами поэмы.

«Стрелой вперед она метнулась вдруг, как молния, вся изогнулась вдруг, как молния, блеснула красотой, всех ослепила полунаготой, изогнутая, как турецкий меч, всем головы снесла мгновенно с плеч. Кровь превращал то в кипяток, то в лед ее бровей попеременный взлет; проплась — и показалось всем тогда, что райского ручья течет вода; кружиться стала — даже маловвер узрел вращение небесных сфер, — и до того в кружении дошла, что будто неподвижно, как юла, она стояла, вся стройней свечи, вся изнутри светясь, светлей свечи, и рой лучей вокруг нее порхал и крылышками трепетно махал. И на почетном месте, и в углу был ею каждый превращен в золу, и в той золе дворцовой лишь она, как факел красоты, была видна...»

Комде завершает танец. В порыве исступленного восторга Модан срывает со своей шеи ожерелье-гирлянду, подарок шаха, швыряет под ноги танцовщице:

— Прими в знак восхищенья от меня!
То, чем пред миром я гордиться б мог,
Ты сделаешь браслетами для ног!

Придворный поэт, пытавшийся остановить его, отштывается от Модана. В ярости Карашах встает:

— Плясунье?! Под ноги?! Мой подарок?!

Умолк, оцепенел весь зал. Замер мальчик среди ветвей дерева. Карашах кричит:

— Этот бродяга осмелился пренебречь милостью царя царей! Клянемся, его дерзость заслуживает того, чтобы его шею погладил меч палача!..

Но Модан уже прикоснулся рукой к струнам танбура. И голос Карашаха пропал. Он что-то яростно кричит, машет руками, раскрывает рот — ничего не слышно. А Модан, перебирая струны танбура, искусно используя для каждой фразы паузу, с силой говорит Карашаху:

— Бьет барабан — и ты доволен, шах,
Тщеславьем ты смертельно болен, шах!..

Модан ударил палкой по барабану, который стоял рядом, прорвал барабан. Опять играя на танбуре, в паузах говорит:

— Сколь твой ни шумен барабан, — смотри:
Что, кроме воздуха, найдешь внутри?

Так ты, безмозглый барабан пустой,
Шумишь, зацугивая род простой!..

Карашах знаками повелевает схватить Модана, вырвать танбур из его рук.

И когда стражники наконец отняли танбур и схватили певца, опять стал слышен голос охрипшего Карашаха, почти визг:

— Этот гордец жестоко поплатится за дерзость! Сдрать с него кожу! И натянуть на барабан!

Раздается крик раненой птицы — Комде бросилась к ногам Карашаха:

— О великий шах...

Кто виноват — свеча или мотылек,

Которого огонь свечи привлек?

Любовь порочна или красота?

Грех — в красоте, сама любовь чиста!

Мой грех не должен тяготеть на нем:

Моим воспламенился он огнем

И потерял себя...

Придворные что-то шепчут Карашаху, указывая глазами на гостей из семи частей света, растроганных словами Комде, утирающих слезы. Она заключает:

— ...За что же он

Один несправедливо осужден?

Моя вина — и я приму ответ:

Срубите голову мою чуть свет!..

Плачет Комде. Плачут гости. Карашах благосклонно говорит танцовщице:

— Мы не знали, что ты искусна также в стихах.— Поворачивается к гостям.— Так и быть, на этот раз мы окажем милость этому бродяге...

Приказывает кривому эмиру:

— Наказать его плетью! И изгнать навсегда из нашего государства.

По знаку эмира стражники увлакивают Модана. Комде бросилась за ним, но ее перехватили стражники, утаскивают внутрь дворца.

Едва затихли ее вопли, Карашах грозно сказал:

— А всякий, кто дерзнет ему помочь или его защитить, лишится головы! — И увидел придворного поэта.

Тот отшатнулся.

— Это ты его привел, — мрачно говорит Карашах.

Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби стоит ни жив ни мертв. Карашах говорит:

— Если хочешь сохранить свою голову, переложи наши слова на стихи, а мы послушаем... Писцы!

Вопли писцы. Сели, развернули книги, подняли свои калямы. Смотрит на поэта попугай изучающим взглядом. Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби начал диктовать, его голос дрожит:

— Наш великий и блистательный шах соизволил сложить следующие слова:

«Как сей бродяга неучтивый мог
Переступить царя царей порог?!
Заслуживает дерзость, чтобы меч
Певца погладил нежно между плеч...»

Слушает Карашах. Скрипят писцы тростниковыми перьями. Поэт диктует, завывая все сильнее:

— Нет, виселицу заслужил певец:
Пусть выше держит голову, гордец!
Но милостив я буду в этот раз:
Прочь негодяя поскорее с глаз!..

Карашах одобрительно кивнул. Мальчик соскользнул с дерева и исчез. Голос придворного поэта крепнет:

— Плетьми жестоко наказать его,
Изгнать его из дарства моего!
Да так, чтоб оглянуться он не мог,
Чтоб голова пошла быстрее ног!

Поэт умолк. И тотчас же со всех сторон полились славословия Карашаху:

— О искуснейший из шахов, когда-либо слагавших стихи!..

— Никогда еще подлунный мир не знал такого шаха, в нем соединились все совершенства!..

— Как будто мы в чудном саду и воздух благоухает от слов шаха!..

— Даже павлин не имеет столько красивых перьев, сколько красивых слов в стихах повелителя!..

— Даже месяц в небе, услышав его стихи, прикусил от удивления палец!..

* * *

Переворачивается страница старинной книги, мы читаем:

*«Смолк славы триумфальный барабан,
Грежел стыда печальный барабан!..»*

* * *

Под печальные удары барабана стражники ведут Модана из города, изгоняют. Его руки связаны за спиной. Ночь.

С факелами выбегают на улицу горожане, молча провожают глазами скорбное шествие, среди них — музыканты шаха и мастер музыкальных инструментов.

Стражники ведут Модана, гремит барабан. И вновь возникает характерный, словно рисованный, речитатив сказителя:

*Владыки мнят, что все подкупно им,—
Блаженство сердца недоступно им!
Высокомерьем их возведена
Меж ними и народами стена.
Для шаха гордость высшая — дворец,
Для угнетенных — чистота сердец!..*

Стражники уводят Модана в ночь. Молча смотрят горожане.

* * *

Далеко, глухо гремят печальные удары барабана. Комде во дворце крадется мимо спящих стражников. Замерла у потайной двери, осматривается, прислушивается. Все кругом спит. Неслышно открывает потайную дверь, исчезает за ней. Дверь закрывается...

* * *

Далеко, глухо гремят печальные удары барабана. В саду под шатром звездного неба, у ворот дотлевают костер. Сидят Бахунатджи с внуком. Старик не спеша кончает рассказывать:

— ...Это был очень злой шах. Однажды он даже свою собственную тень заподозрил в измене. И он отрубил го-

лову своей тени. С тех пор его тень ходила без головы...

Слушает мальчик. Позади в дымке ночи белеют, освещенные звездным светом, цветы. Странная белая фигура движется меж цветов. Но мальчик ее не видит.

— Потом шах достиг порога смерти, — продолжает Бахупатджи. — И над ним соединились могильные плиты. Но тень его не могла без головы уйти с ним в могилу. Говорят, тень злого шаха до сих пор бродит по земле, ищет свою голову...

Старый Бахупатджи умолк, прислушался к далекому барабану, вздохнул:

— О, исчезнувшие времена, и истлевшие сказания, и дни, что ушли, и следы, которые стерлись!

Широко раскрытыми глазами смотрит мальчик на угли. Поднял голову, испуганно вскрикнул.

Из темноты сада, среди цветов, к ним приближается белая фигура.

— Комде?

Старик удивленно встал. Да, это она. Рази-

нув рот, смотрит на него мальчик.

— Выпустите меня,— говорит Комде, испуганно озираясь.

Старик внимательно смотрит на танцовщицу.

— Твои глаза — раскрытые ворота души. Что случилось?

— Его увели... — сказала Комде и заплакала. — Модана увел в одну сторону, а с другой на меня паднула ночь. Выпустите меня! Я только догоню его и скажу, что стало из-за него в моем сердце! Я вернусь до зари, клянусь правдой и чистотой! Выпустите меня!

Бахунатджи сказал величаво:

— Твое горе — в моем сердце! Иди! — и распахнул ворота.

Комде выбежала в ворота, в ночь. Старик повернулся к мальчику:

— Будь ей в пути опорой и защитой!

И мальчик выскальзывает за ней.

* * *

Очень далеко гремят печальные удары барабана. Карашах — в маленькой комнате во

дворце. Перед ним — два стражника. У одного в руках — танбур Модана.

— Этот преступный танбур, — говорит Карашах, — осмелился прервать речь царя царей. И мы повелеваем его казнить.

Стражники переглянулись:

— Казнить танбур?

— Да. Разломать его и заживо закопать!

Стражники поклонились шаху, направились к выходу. Но Карашах жестом их остановил:

— Повелеваем закопать танбур ночью, тайно. И кто выроет яму — того повелеваем лишить жизни, дабы никто больше и никогда не мог этот преступный танбур найти!

— Слушаем и повинемся! — сказали стражники и ушли.

Карашах проводил их взглядом. В кольце встрепенулся, взъерошил перья и перевернулся в другую сторону попугай. Карашах вздрогнул, подозрительно посмотрел на него:

— Ты подслушивал нас?

Но попугай не удостоил шаха ответом, высокомерно поглядел одним глазом и вновь прикрыл его морщинистым веком.

— Молчишь? — Карашах угрожающе усмехнулся. — Ну молчи, молчи! Глупый попугай!

Далеко, очень далеко гремят печальные удары барабана...

* * *

Модана уже вывели за город. Дорога змечется вдоль реки. Из ночной темноты, заслоняя звезды, выступают справа и слева очертания пышных кустов. Впереди идет стражник, бьет в барабан. Модан то и дело оглядывается.

Комде и мальчик догоняют печальное шествие. Косы танцовщицы распущены. Она крикнула:

— Модан!..

Юноша услышал, вскрикнул:

— Комде! — и рванулся к ней.

Но его перехватили стражники, оттаскивают. И ее оттаскили стражники. Ломая руки и плача, Комде начинает умолять кривого эмира — начальника стражи:

— Да будет к вам благосклонной судьба! Да не поки-

пет никогда вас удача! А мне — свидетель бог! — остался в жизни только один предсмертный вздох! Продлите мою жизнь на эту ночь, умоляю! Оставьте Модана мне до утра...

Кривой эмир посмотрел на нее единственным глазом:

— Твои слова подобны золоту, но от них в руках у меня остается только воздух.

— Я прошу лишь отсрочить изгнание! — в отчаянии восклицает Комде. — Прошу подарить нам остаток ночи! Оставьте меня с Моданом наедине! Смиловитесь!..

Кривой эмир попробовал сказать яснее:

— Дай мне что-нибудь, кроме воздуха! — и многозначительно уставился на Комде.

— Что? — растерялась Комде.

— Да ты совсем глупа, — сказал кривой эмир и показал пальцами на ее браслеты и серьги.

Комде вспыхнула, срывает с себя драгоценности, сует их эмиру. По его знаку стражники развязали руки Модану, отходят в сторону.

Но Комде и Модан стоят. Они стоят как вкопанные, — стоят на расстоянии, растерянные, замороженные, — не в силах двинуться навстречу друг другу. Наконец Комде сделала шаг. И Модан шагнул к ней. И они пошли друг к другу. Подошли. Взялись за руки. И замерли, не в силах вымолвить слова. Молча стоят.

Стражники в стороне зажигают костры. Мальчик тоже отошел, лег на пыльную траву у края дороги.

А Комде и Модан все еще стоят, не могут наглядеться друг на друга. Наконец Комде обрела дар речи, жалобно завывел ее голос:

— Из-за меня покинув край родной,
Зачем искал знакомства ты со мной?!

И Модан, как эхо, откликнулся:

— Я так смущен, что путаю теперь,
Где разума, а где безумья дверь.
Любовь настигла молнией меня,
Смятением наполнила меня...

Стражники у костра азартно играют в кости. Слышны грубые возгласы: «Семь!.. Одиннадцать!.. Давай!..» Под их алчными взглядами из рук в руки переходят монеты.

А Комде говорит Модану — они сидят уже на траве
возле ночной реки:

— Я воздухом твоей любви дышу,
Но сломанными крыльями машу,
Готова я, как тень, всегда идти
Вслед за тобой по твоему пути,
И смерти не страшусь я...

Опускает голову, размышляет:

— Но страшусь,
Что новых бед причиной окажусь,
Что шах раздует пламя мести вновь,
Что рок швырнет в тебя свой камень вновь.
И если я на этот путь вступлю,
То и тебя, любимый, погублю...

Стражники играют в кости. Один воскликнул:

— Двенадцать!

Второй вскочил:

— Ты неправильно бросил! Обманщик!

Тот тоже вскочил, его глаза налились кровью:

— Кто обманщик?

— Ты!

Они, верно, сцепились бы, если бы кривой эмир не
огрел их плетью, прикрикнув:

— Тише вы! А то брошу обоих шакалам!

А Модан положил голову на колени Комде. Не отрывая
взгляда от его лица, она говорит:

— Пришел меня завороживший гость —
И всю развеял, словно праха горсть...
О, как с тобой соединиться мне?
Развеянной, как сохраниться мне?

Держа голову у нее на коленях, заглядывая снизу в ее
глаза, Модан говорит:

— Мы оба — жертвы безрассудств судьбы,
Мы — рока сумасшедшего рабы!
От рук отбилось счастье...

Встает, говорит с силой:

— Но клянусь,
Что где-нибудь я с ним еще столкнусь!..

Вновь усаживается рядом с Комде, начинает рассказывать:

— От мудрецов пришлось мне как-то раз
Услышать удивительный рассказ.
На севере пустыня есть, и в ней
От незапамятных блаженных дней
Есть пальма благодатная одна...

Комде смежила глаза. И перед ее воображением возникла одинокая пальма в пустыне. Слышит голос Модана:

— ...Ей сила непонятная дана:
Кого та пальма тенью осенит —
К тому удача в руки прилетит...

И перед воображением Комде рядом с пальмой возник легкий, призрачный образ Модана. Он протянул руки, и откуда-то из глубины пустыни появилась Комде. Счастливые влюбленные обнялись, и оба медленно растаяли. А Модан заключает:

— Мне б к пальме той дойти, ее найти:
Сойдутся наши вновь тогда пути!..

Подошел кривой эмир:

— Скоро заря. Пора расставаться!

Стражники затаптывают костры. Комде и Модан встали, держат друг друга за руки. Комде жалобно говорит:

— Я верю, что в любом краю земли
Меня не позабудешь и вдали!
Но если б ты на крыльях ветерка
Весть о себе прислал издалека!
Свою Комде — прости, Модан, прости —
Ты мог бы нежной весточкой спасти!

Модан достал спрятанную у него на груди розу:

— Вот — зеркало дыхания моего,
Двойник существованья моего...

Протягивает ей розу:

— ...Покуда не поблекнет розы цвет,
Знай, что я жив и мне угрозы нет.
А если роза почернеет вдруг —
Знай, что погиб тебя любивший друг.

— Хватит! Прощайтесь! — сказал кривой эмир.

Стражник ударил в барабан. И под шатром ночного неба опять понеслись глухие удары барабана. И зазвучал речитатив сказителя:

*Он на Комде взглянул в последний раз,
Как будто весь он состоял из глаз.
И так ее он обнял, словно вдруг
Он приобрел сто жарких, страстных рук...*

Модан обнимает Комде, оторвался от нее, круто повернулся, пошел.

*...И вышел в путь на север, чтоб найти
Надежды пальму на своем пути.*

Стоит Комде с розой в руках, смотрит вслед. Смотрит вслед Модану мальчик. Смотрят стражники, один из них бьет в барабан.

Вдоль реки, в которой струятся отражения звезд, Модан по дороге уходит в изгнание, в ночь.

* * *

Переворачивается страница старинной книги, мы читаем:

*«О, мания величия царей!
О, низкие обычаи царей!..»*

* * *

Ночь. Дворцовый сад. Старый Бахунатджи роет мотыгой яму возле куста роз. Над ним с пиками в руках стоят два стражника, подгоняют:

— Скорей! Скорей!

Бахунатджи выпрямился:

— Но что вам надо закопать? Какую рыть яму?

Стражник грубо обрывает его:

— Копай! Не твое дело!

Второй, что помоложе, показал на сверток:

— Шах велел закопать вот это: тут преступник, осмелившийся нарушить покой повелителя.

Поглядев на сверток, чем-то напоминающий по форме крупную мертвую птицу, завернутую в ткань, Бахунатджи усмехнулся:

— Наверное, какой-нибудь гусь или журавль, залетевший во дворец?

— Ладно! Копай! — оборвал его первый и ткнул концом пика в бок.

Садовник копает. У решетки сада возле ворот появился его внук, вернувшийся вместе с Комде. Они замерли, увидев стражников. Осторожно мальчик приоткрыл ворота. Комде проскальзывает в щель. Старый Бахунатджи искоса взглянул, заметил ее. Но ничем не выдал себя, продолжает копать.

Скрываясь за цветущими кустами, Комде направилась к мраморной стене дворца, четко рисующейся на фоне предраассветного неба. Исчезла в какой-то нише. Тогда и мальчик проскользнул в ворота, крадется между цветов, прополз среди двух жасминовых кустов, смотрит, лежа в траве.

Старый Бахунатджи кончил копать, сказал добродушно:

— Ну, давайте вашего преступника...

Но стражник отстранил его руку, зорко осматривается. Мальчик приник к земле. Не заметив ничего подозрительного, стражник разворачивает тапбур.

Не успел Бахунатджи вскрикнуть, не успел остановить руку стражника, как тот с огромной силой ударил тапбуром по земле. Со странным звоном полопались струны — каждая застояла протяжно, своим особенным голосом. И, звуча, развалился деревянный остов тамбура. И все слилось в один рыдающий вопль. Бахунатджи прошептал в отчаянии:

— Волшебный тапбур...

* * *

А во дворце — возле Комде, которая только что прикрыла за собой потайную дверь, — вдруг задрожали, зазвенели струны музыкальных инструментов, заиграли флейты. Жалобный, необыкновенный по красоте аккорд понесся по дворцовым покоем. Комде замерла, испуганно оглянулась.

Вбегает встрепанный Карашах:

— Что тут такое?

С удивлением слушая затихающий аккорд, Комде говорит:

— Наверное, сюда забрался какой-нибудь дух и...

Карашах раздраженно прервал ее:

— Духи не играют на флейтах, не танцуют и не поют. У них есть дела поважней!

Подозрительно заглянул за барабан, за занавес. Комде скрывается в глубине помещения.

* * *

Стражник в саду уже схватился руками за розовый куст, вырвал его с корнями, сажает в яму поверх обломков, приказывает:

— Закапывай!

Бахунатджи говорит величаво:

— Музыка похоронить нельзя!

— Шах лучше знает, что можно, а что нельзя! Закапывай, ну!

Стражники ткнули старика пиками. Бахунатджи мотыгой стал сгребать землю. И «плач» танбура умолк под комьями земли.

Затаив дыхание, смотрит мальчик, скрываясь в высокой траве. Яма уже засыпана, стражники утаптывают землю. Направили пики на Бахунатджи.

— Иди!

— Куда?

— Получать награду от шаха.

— Меня не за что награждать, — с достоинством сказал Бахунатджи.

— Шах лучше знает, кого награждать! — сказал стражник, кольнув старика концом пика. И Бахунатджи пошел.

Стражники вывели его за ворота. Мальчик выскользнул за ними, остановился, смотрит, потом кинулся следом. Догнал, крикнул:

— Дедушка!

Но стражники отшвырнули мальчика — он упал в канаву, — толкнули Бахунатджи пиками, и старый садовник пошел...

* * *

Яркий солнечный луч прорезает маленькую комнатку во дворце. Вошли стражники, закапывавшие танбур.

— О повелитель! Преступный тапбур казен и тайно предад земле!

— А что постигло рывшего яму? — спросил Карашах.

— Мы помогли ему перейти в царство вечности.

Тот, что помоложе, подхватил:

— Да будет повелителю известно, он закопал тапбур, в...

Карашах прерывает:

— Оставь твое знание себе! Идите, получайте награду!

Стражники поклонились и вышли. Кивнув вслед им, Карашах сказал кривому эмиру:

— Шах должен быть ревнив даже к своей тени. Повелеваем: лишить их жизни, дабы никто и никогда не мог этот преступный тапбур найти!

Эмир поклонился, вышел за стражниками. Сидит, нахохлясь, попугай в кольце. Карашах пристально посмотрел на него:

— Ты все молчишь? Подслушиваешь наши тайны?.. Запереть его в клетку!

Оглянулся — никого нет. Тогда он сам хватает попугая, заталкивает в клетку, подвешивает ее на крюк. Торжествующе засмеялся:

— Теперь даже если бы ты захотел причинить нам зло, тебе не удастся!

* * *

Мастерская музыкальных инструментов. Сквозь толпу музыкантов пробирается низенький музыкант шаха с випой в руках. Он взобрался на помост мастерской, бросился к мастеру:

— Смотри! У меня умолкли струны!..

Ударяет пальцами по струнам, цепляет их — ни звука.

— Не у тебя одного, у всех умолкли струны, — печально говорит мастер.

И музыканты стали показывать низенькому: под их пальцами не звенят струны, под устами не звучат флейты.

Низенький музыкант разинул от удивления рот. Мастер продолжает:

— Что-то случилось с волшебным тапбуром, и вся музыка в мире умолкла! Остались одни барабаны!

Он ударил по барабану — раздался мощный звук.

И тотчас же, словно ответив ему, вблизи забил еще барабан. Музыканты обернулись. На базар в сопровождении барабанщика вступает шахский глашатай:

— Слушайте! Слушайте!.. Слушайте, какова справедливость шаха, нашего повелителя!..

В повозке палача, привязанные к столбам, стоят два стражника. Повозка окружена вооруженной охраной. Глашатай кричит:

— Наш великий шах, Солнце Вселенной, оказал своим подданным справедливость! Он карает этих двух стражников за то, что они казнили невинного человека.

Слушает мальчик в базарной толпе. Молчит народ. Звучит голос глашатая:

— Эти две ядовитые змеи казнили садовника шаха и тем самым лишили повелителя тысячи земных благоуханий!..

В толпе раздался отчаянный крик мальчика:

— Дедушка!..

Глашатай посмотрел, откуда послышался крик, однако, не увидев ничего, кроме сотен голов, продолжает:

— Но злодеев настигла карающая рука повелителя!..

Осужденных стражников в повозке увозят вслед за глашатаем.

В мастерской теснятся музыканты, слышен далекий голос глашатая:

— Слушайте, какова справедливость нашего шаха!..

Тощий музыкант говорит мрачно:

— Черный цвет не закрасишь никаким другим цветом. Я знаю, какова справедливость шаха! Надо бежать от нее!

— Куда? — вздохнул низенький.

— Все равно куда — в горы, в пески, — только подальше! И поскорей! Когда Карашах узнает, что умолкла музыка, у нас у всех головы полетят!

Он пошел, за ним дружно поднялись музыканты. Только мастер не тронулся с места. Тощий музыкант обратился к нему:

— Ты остаешься?

— Я не могу покинуть город, — сурово говорит мастер. — Я должен остаться, чтобы узнать, что случилось с волшебным тацбуром.

Музыканты молча уходят из мастерской.

* * *

И вот уже мастер, которого приволокли стражники, стоит перед шахом.

— ...И ты утверждаешь,— говорит Карашах,— что можешь починить волшебный танбур? И тогда музыка опять к нам возвратится?

— Да,— кивает мастер.

Карашах повернулся к кривому эмиру:

— Принеси сюда танбур!

— Царю царей известно...— сказал эмир дрожащим голосом.— Никто не знает, где зарыты обломки волшебного танбура. Никто не остался в живых...

— Ага! Ты убил их нарочно, с коварной целью,— говорит Карашах.— Ты захотел, как видно, чтобы без музыки мы, твой повелитель, умерли от скуки? Ты захотел таким способом от нас избавиться?!

В страхе отступая от Карашаха, эмир бормочет:

— Я не хотел избавляться от повелителя... Я чту Солнце Вселенной превыше всего... я...

— Ну, вот что! — прервал его Карашах.— Всем известно, что ты умеешь разыскивать драгоценности там, где другой ничего не найдет! Если ты не разыщешь танбур с тем же умением, клянemся — тебе не удержать своей головы!

— Слушаю и повинуюсь,— сказал эмир, отвешивая низкий поклон.

* * *

Переворачивается страница старинной книги, мы читаем:

*«Чем дальше уходил, тем чаще взгляд
Бросал он, опечаленный, назад...»*

Разутый, в лохмотьях, с колючками на ногах, растерзанный печалью, идет Модан по пустыне. Он идет и поет:

Тяжелому вздоху подобно,
Я стал караванщиком слез.
Глубокой пылающей раны
Клеймо в мое сердце вожглось...

Легконогая газель выскочила на гребень бархана и замерла, провожая взглядом певца.

И милой я, кроме той раны,
В безумье моем не найду,
В безвыходном мире обмана
Один я, как солнце, бреду...

Далеко впереди, среди волн песка, возникает в струящемся воздухе, будто в мареве, одинокая пальма.

* * *

А Комде в комнатке, устланной коврами, поверх которых лежат парчовые подушки, смотрит на заветную розу. Ее лепестки побледнели, но краска в них еще есть.

На пороге сидит мальчик, глядит на Комде. Губы ее плотно сжаты. И все же мы слышим чистый, жалобный голос, чем-то похожий на голос Комде:

«Миновало для меня время сбора фиников, и теперь мне достался лишь терновник. Терпи и печалься, сердце».

— Почему ты молчишь? — спросил мальчик.

— Не хочется говорить, — сказала Комде.

Опять она сжала губы, и опять звучат ее мысли:

«Рано с пиря уйти пришлось опечаленной флейте... Днем я гляжу на солнце вместо Модана, а ночью любуюсь темнотой вместо черноты его волос. И слезами своими смываю черноту ночи».

— О чем ты думаешь? — спросил мальчик.

— Ни о чем, — сказала Комде.

И опять звучат ее мысли:

«Ах, хорошо мне было, пока не увидала его! А теперь... Сахар уже не имеет больше сладости, ибо скрылся с глаз милый друг».

— Комде, — говорит мальчик. — Станцуй для меня!

— Хорошо, — говорит она.

Покорно кружится с розой в руках. Мальчик, пальцами ударяя в пустой кувшин, подыгрывает ей. А мысли Комде не умолкают, звучат:

«Я запятнана, как цветок мака, но цветущей кажусь. Напоила меня ядом разлука...»

— Почему ты плачешь? — спросил мальчик.

— Для этого танца нужны слезы, — сказала Комде.

Она кружится в танце. Звучат ее мысли:

«Увы, нет на свете ничего злее любви, и нет никого несчастнее влюбленного...»

Смотрит на нее задумчиво мальчик.

Модан лежит, распростертый, под пальмой, безумными глазами смотрит вокруг.

— Где ты, Комде?.. Комде... Моя Комде...

Птицы щебечут на ветвях пальмы. Стройные газели не спускают с Модана глаз, стоят, как изваяния, среди песчаных барханов. Модан бормочет в исступлении:

— Как от Комде уйти решился я?
Разлуки как не устранился я?..

В порыве привстал. Газели отскочили и замерли в отдалении. Модан протянул к ним руки:

— Вот я пришел, я вновь с тобой, Комде!
Спляши мне снова, песню спой, Комде!..

Вдруг на ветвях пальмы какая-то индийская синичка явственно просвистела:

— Комди...

Модан вздрогнул, поднял голову. Но птицы, не обращая внимания на него, щебечут, свистят.

Медленно подходят к пальме газели. Модан лег, забормотал опять:

— Ты далека, Комде, по мы вдвоем.
Как мне с тобой тепло в плаще твоём!
Что ж ты со мной неласкова, Комде?
Что смотришь ты с опаскою, Комде?..

Синичка перепрыгнула с ветки на ветку и опять свистнула:

— Комди...

И все птицы на пальме подхватили хором:

— Комди... комди... комди...

Но Модан на них уже не смотрит. Он протянул руки к невидимой Комде:

— Комде! Комде! Кумир моей души!
Что ж ты опять уходишь? Не спеши...

И вдруг газель протяжно проблеяла:

— Комде-е-е...

И хор птиц радостно подхватил:

— Комди... комди... комди...

Модап приподнялся. Газели кинулись врассыпную. Модап крикнул газели:

— Эй, погоди!

Сейчас Комде запляшет — погляди!..

Но газели убежали, скрылись в песках. Модап покачивается. Он опять лег, начал бормотать, как безумный:

— Где ты, Комде?.. Комде... Моя Комде...

* * *

Переворачивается страница старинной книги, мы читаем:

*«И снегу — срок, и таянью — пора,
Отчаянью и чайнью пора...»*

* * *

В предгорьях, в тени скалы работают художники-миниатюристы, мастера ярких и чистых красок. Среди них — Атуп Чатр. Перед ним — натурщик, низенький музыкант, убежавший от шаха, в руках у него — многострунная вина. Прислонясь к скале, стоит тощий музыкант, печально*глядит вдаль. Бхабани — глава школы художников-миниатюристов, — старый, седой, сидит на белом войлочном коврике, не спеша говорит:

— Все люди стали сиротам без музыки. Не поется без музыки песня, нечем людям облегчить сердце после труда...

Атуп Чатр сказал:

— Говорят, даже Карашах заболел от скуки. Его ярость теперь не смягчается музыкой, и на него нападают припадки удушья! Врачи опасаются за его жизнь...— И опять поднял кисть, копчет миниатюру.

Внезапно из ветвей чинара раздались птичьи голоса:

— Комди... комди... комди...

Все подняли головы, но увидели только птиц, прыгающих по ветвям.

Отступив на шаг, Атуп Чатр смотрит на свою работу и на натурщика.

На миниатюре: все в тучах черное небо, расколотое белыми молниями. Вдали в предгорьях пасутся слоны. Вне-

реди — дерево, усыпанное плодами, и рядом — на белом полу — в красном халате низенький музыкант с виной в руках.

Тощий музыкант заглянул в миниатюру, грустно вздохнул.

— Посмотрит кто-нибудь и скажет: «Было время, когда на земле еще была музыка!»

Старый Бхабани говорит величаво:

— Нельзя предаваться отчаянию. Люди еще отыщут волшебный танбур. И музыка оживет!

— Нас тогда уже не будет,— сказал низенький музыкант.

— В счастье надо верить! — с силой сказал Бхабани.— Если человек не верит в счастье, ему не за что и бороться, и тогда уже счастье не посетит его никогда! — Он делает движение, чтобы встать, но из листвы чинара опять раздается:

— Комди... комди...

Бхабани удивленно поднял голову:

— Что это?

Все смотрят на птиц.

К ним подбегает газель. Увидев ее, люди замерли от удивления. Газель пробежала протяжно «комде-е-е!» и умчалась, исчезнув среди камней.

— Комде?! — Атуп Чатр поражен в самое сердце.— Наверно, с нею беда!

— А кто это? — спросил Бхабани.

Атуп Чатр вынимает из своей одежды сверток, разворачивает миниатюру «Танец Комде». Вскочили музыканты и художники — посмотреть. Миниатюра пошла по рукам. Бхабани взял ее, разглядывает.

Комде изображена в вихре танца. На ней яркие одежды и те браслеты и серьги, которые уже давно покоятся в шкатулке кривого эмира.

Бхабани говорит:

— Как видно, родилась она в добрый день, если ради нее газель прибежала к нам из пустыни.

— Смотрите!..

Атуп Чатр показал пальцем. Далеко на камне стоит газель.

— ...Газель нас ждет! Поедем по ее следам, выручим Комде из беды!

Под свист и щебетанье птиц Бхабани, Атуп Чатр, оба музыканта и несколько художников подбежали к оседланным лошадям, вскочили на них и поскакали с гор к желтеющей на горизонте пустыне.

* * *

Под пальмой лежит бездыханный Модан. Десяток газелей не спускают с него глаз. Слышен речитатив сказителя:

*Лежал, под пальмой распростерт, Модан.
И хоть на вид совсем был мертв Модан,
Но в нем жила любовь, и потому
Бессмертье было суждено ему...*

Газели испуганно метнулись, исчезли в песках. Подъехали всадники, соскочили с коней. Подошли к Модану. Птицы свистят на ветвях:

— Комди... комди...

Бхабани посмотрел на лежащего.

— Это не Комде, кто-то другой... И похоже, что мертв...

Подошел тощий музыкант, узнал:

— Кажется... Модан...

— Модан?! — Атуп Чатр вглядывается, потрясен. — Да, он... И как будто еле дышит... Дайте воды!

Оба музыканта кинулись к лошадям. Отвязали бурдюк, принесли. Атуп Чатр дает Модану глотнуть из бурдюка.

Модан открыл глаза, сказал:

— Комде...

Опять закрывает глаза.

— Комде?! — удивился Бхабани.

— Да, его разлучили с Комде! — сказал низенький музыкант.

Атуп Чатр еще раз приложил к губам Модана бурдюк. Певец глотнул, приподнял веки, сказал:

— Комде...

Закрывает глаза. И птицы отозвались радостным хором:

— Комди... комди... комди...

Бхабани говорит:

— Если все птицы, услышав из уст Модана имя любимой, подхватили его — сколько раз должен был он, бедный, повторять имя Комде!

По знаку Бхабани художники подняли певца на плечи. Музыканты пошли следом, держа в поводу лошадей.

Модан открыл глаза, спрашивает слабым голосом:

— Кто вы?

— Мы — слуги твоей любви! — сказал Бхабани.

Модан улыбнулся и, покачиваясь на плечах людей, глядя в синее небо, еле слышно, одними губами, сказал:

— Комде...

* * *

Маленькая комната во дворце. Тыча прутиком в клетку, Карашах дразнит попугая:

— Глупый, глупый попугай! Ты — простой пучок перьев, а не мудрая птица! Ты годишься только на обед кошке! Глупый попугай! И ты — глупый, и сказки твои — глупые!

Вдруг попугай сказал ему:

— Сам ты глупый!

— Ага, заговорил! — торжествующе засмеялся Карашах.

— Меня ругай сколько хочешь, — сказал попугай таким голосом, как будто он горлом одновременно и говорил и колот орехи. — Но сказки мои ругать не позволю! Моему красноречию и изяществу языка удивляются знатоки словесности! А ты...

— Что я? — прищурился Карашах.

— Все над тобой смеются, — сказал попугай.

— Смеются?! — подпрыгнул Карашах. — Кто?!

— И знаешь, как они тебя называют?

— Как?!

— Пустой барабан.

— Это — слова Модана! — в ярости восклицает Карашах. — Жаль, что я отпустил его! Мне надо было содрать с него кожу, а я...

Вошел кривой эмир:

— Гонец от Бхабани!

В комнату, толпясь, входят приближенные Карашаха. Среди них — придворный поэт Мухаммад Мухасип Фони Нахшеби.

Стражники вводят Атул Чатра. Он поклонился, передает письмо.

— Это ты?! — Карашах удивлен: — Как ты осмелился привезти нам письмо?

— Я знал, что ты меня убьешь, — невозмутимо сказал Атул Чатр. — Но моя кровь схватит тебя за горло, шах!

— Молчи! — В ярости Карашах повернулся к придворному поэту. — Читай! Весь наш гнев падет на него. — Карашах кивнул на Атул Чатра.

— Не осмеливаюсь послушаться...

И Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби начал читать, вздыхая при каждом слове и качая головой:

— «О ты, превративший сострадание в страх! Нельзя гасить свечу, чтобы в окно не залетел мотылек! Нельзя из-за своей обиды разлучать возлюбленных! Верни скорее Комде Модану! По твоей вине погибла в мире музыка, и ты же сам чуть не умер от скуки! Если из-за тебя погибнет в мире любовь, прах Модана и Комде падет на твою голову!...» Тут дальше стихи...

— Читай...— сказал Карашах, мрачно поглядывая на Атул Чатра.

Смотрит из клетки на придворного поэта попугай.

Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби читает, постепенно переходя на привычный при чтении стихов пафосный тон:

— Пусть прах падет на голову того,
Кто мнит, что вечно гнет торжество!
Где воля напряглась, как тетива,
Там муравей одолевает льва.
Как ни кичись тиран...

Карашах прервал его:

— Ты слишком поешь для человека, который читает.
Поэт поперхнулся, смешался. Под подозрительными взглядами Карашаха опять начинает:

— Как ни кичись тиран...

— Это мы уже слышали! — сказал Карашах.— Читай дальше!

Дрожащими губами Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби продолжает, показывая всем своим видом, что сам в отчаянии от слов, какие приходится читать:

— ...ничтожен он.
В конце концов он будет поражен!
О ты, кто одурманен спесью, знай:
Псу и погибель будет песья — знай!

Карашах мрачно спрашивает:

— Кто написал эти стихи?

Атул Чатр сказал:

— Модан! Наш соловей, у которого ты украл любовь!

— Опять Модан?! — К поэту: — Это ты его тогда привел.

Придворный поэт стоит ни жив ни мертв. Карашах говорит:

— Трижды за твое умение мы наполняли тебе рот жемчугом. А один раз мы даже взвесили тебя, положив на другую чашу весов золото, и это золото подарили тебе. Теперь, если ты не сложишь достойный ответ, клянемся — мы наградим тебя совсем иначе.

Мухаммад Мухаси Фони Нахшеби поклонился шаху. Писцы подняли калямы. Придворный поэт начал с пафосом:

— Ты, словно солнце, светел и высок.
Мы — жертва за один твой волосок!
Да! Все мы — слуги шаха...

— Это мы знаем наизусть, — раздраженно прервал его Карашах. — Ты Модану ответь!

— Сейчас, сейчас... — Придворный поэт начинает сначала:

— Ты гордость шахов попираешь в прах,
Но ты забыл, Модан: могуч наш шах!..

Карашах поморщился, с трудом удержался, чтобы опять не прервать Мухаммада Мухасина Фони Нахшеби.

— ...Войска его вздымают до небес
Не просто пыль, а пыль весны чудес!
Гремит его дворцовый барабан...

При слове «барабан» Карашах подпрыгнул от негодования.

— Всегда в поход готовый барабан...

Карашах подпрыгнул на троне второй раз и закричал:

— Ты еще осмеливаешься намекать?!

— Я?.. Нет... Где?.. — растерялся поэт.

Карашах уже в полной ярости:

— Да ты, как видно, считаешь нас совсем дураками! В своих вонючих стихах ты произнес слово «барабан», и даже дважды! Все слышали!..

Торжествующе поглядев на попугая, опять садится на трон.

— Мы давно подозревали, что у тебя на языке одно, а в мыслях другое... — Повернулся к кривому эмиру. — Налить ему в рот расплавленное серебро!

Стражники хватают поэта. Кривой эмир уводит его. Придворные в восторге кричат:

— О пронцательный, о мудрый, о всевидящий шах!

Еще раз взглянув на попугая, Карашах говорит Атул Чатру:

— Ты думаешь, что мы злопамятны и жестокосердны? На самом деле мы милостивы. И ты в этом сейчас убедишься. Мы смоем чистой водой прощения пыль твоих оскорблений. А за это ты отвезешь наш ответ... Писцы!

Писцы подняли свои калямы. Карашах начал диктовать:

«До слуха высокого достоинства дошло твое письмо, Бхабани! Будучи на подушке славы и величия, мы тебе говорим...»

Пишут писцы. Придворные радостно кивают на каждое слово шаха. Карашах продолжает:

— «Как ты осмелился подумать, что мы отдадим Модану госпожу страны красоты и розовый куст сада прелестей!..»

Восторг придворных прорывается возгласами:

— О наш шах! Все поэты мира — ничто перед ним!.. Поистине, его уста рассыпают жемчужины!.. Незъяснима красота его слов!..

Сняя, Карашах продолжает:

— «...При виде стана этой плясуньи кипарис упал на землю от стыда, и даже куропатка не смогла бы подражать ее поступи...»

* * *

Темница, к стенам которой приделаны кольца и крючья. Кривой эмир наедине с придворным поэтом. Вид у Мухаммада Мухасина Фони Нахшеби самый плачевный. Он восклицает:

— Но я же отдаю тебе все мои жемчуга! Разве этого мало? И у тебя еще останется серебряный слиток!

Кривой эмир пожал плечами:

— Слиток расплавленного серебра я и так выну из твоего рта, когда он там остынет; но в этом случае ты уже покинешь землю и будешь стоять у ворот рая. Вот если ты покажешь мне, где спрятал не только жемчуга, но и золото, — тогда рай осиротеет без тебя, и я позволю тебе уехать куда захочешь...

— Хорошо, хорошо! Я отдам тебе и золото и жемчуга... — говорит Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби, жалко улыбаясь.

Переворачивается страница старинной книги, мы читаем:

*«Кто волю шаха смеет обойти?
Иль выполни, иль головой плати!..»*

Маленькая комната во дворце. К шаху привели Комде. Барабанщики забили в барабаны, выбивают плясовую дробь. Но Комде опустила голову и не танцует. Карашах остановил барабанщиков:

— Почему она не танцует?

— О великий шах,— сказал кривой эмир.— Она осмелилась впустить в свое сердце любовь к Модану.

Карашах повернулся к Комде:

— Это правда?

Комде едва заметно кивнула и еще ниже опустила голову.

— Ты создана, чтобы услаждать наш взор танцами, а не для того, чтобы кого-нибудь любить! — сказал Карашах.— Танцуй!

И опять дал знак барабанщикам. Те ударили в барабаны, но Комде неподвижна.

— Ты надеешься, что Модан тебя освободит? — визгливо сказал Карашах и презрительно засмеялся.— Или ты, может быть, не хочешь танцевать под барабан! Может быть, ты...— осекся, пристально оглядел придворных, тихо спрашивает: — Кто сказал «барабан»?

Все молчат. Карашах испытующе смотрит на испуганных придворных. Повернулся к кривому эмиру:

— Может быть, это ты сказал «барабан»?

Эмир испуганно пятится, бормочет:

— Я не сказал...

Карашах опять поворачивается к Комде:

— Танцуй!

По его знаку барабанщики вновь ударили в барабаны. Комде все так же стоит, не глядя на шаха. Карашах встал с трона, говорит угрожающе:

— Если ты не будешь сейчас танцевать, мы заставим тебя плясать на костре!

Комде неподвижна. Вдруг из клетки раздался голос попугая:

— Шах! А ты пробовал когда-нибудь танцевать, когда не хочешь?

— Глупый попугай, разве шахи танцуют,— снисходительно сказал Карашах. Приказывает кривому эмиру: — Сложить костер! Завтра утром она попляшет у нас на огне!

* * *

Вечер, дворцовый сад, куст весь в желтых розах. Мальчик — внук старого Бахунатджи — привел сюда мастера музыкальных инструментов.

— Танбур тут, под этим кустом!

Мастер мотыгой откапывает куст. Мальчик горестно говорит:

— Комде нельзя спасти. Утром ее сожгут! И Модан далеко... Пусть она перед смертью услышит хоть танбур Модана! Почините его! Подарите Комде эту последнюю радость...

Мастер обнял куст, поднимает его с корнями, облепленными землей.

Из ямы мальчик вынимает разбитый танбур, весь в комьях земли. Да это и не танбур — обломки! С кусков его деревянного остова сошла краска, струны оборвались, заржавели.

— Нет больше на свете волшебного танбура,— в отчаянии сказал мальчик.— А дедушка говорил — музыку нельзя похоронить.

— Да! Музыку похоронить нельзя,— сказал мастер, разглядывая обломки.— Я почию этот танбур!

Заворачивает обломки в тряпку, поспешно уходит вместе с мальчиком.

* * *

Большой лепной светильник. По тронному залу колеблются, прыгают тени. Кривой эмир проходит стороной. Его окликнул попугай:

— Эй, эмир!

— Чего тебе?

— Подойди!

Эмир нехотя подошел. Поп, гай спрашивает:

— Тебе нравятся мои сказки?

— Я не такой дурак, чтобы читать сказки,— проворчал эмир и пошел к выходу.

— Жаль,— сказал попугай.— А то ты бы знал, где спрятан рубин.

— Рубин? — Эмир остановился.— Какой рубин?

— Он спрятан тут, совсем рядом.

— Рубин султана Гаруна? Тот самый? — У эмира перехватило дыхание.— Который у него украли тут, во дворце?

— Да,— сказал попугай.— Выпусти меня из клетки, и я тебе покажу.

Кривой эмир подозрительно осмотрелся, дрожащими руками открывает клетку:

— Давай, показывай!

Попугай вылетает из клетки, уселся на балдахине трона. Говорит:

— Видишь, как плохо, что ты не читал мои сказки. На странице сто пятой ясно сказано, что рубин находится в моем желудке. Ты мог меня зарезать и достать рубин. А ты меня выпустил! — Попугай засмеялся деревянным смехом и улетел.

* * *

Мастерская музыкальных инструментов. Тускло горит чирак — плошка с маслом, хотя уже начинает запылеть заря. Мастер склонился над танбуром: он починен, блестят струны. Мастер кончает покрывать его лаком.

Мальчик тронул пальцем струну. Раздался чистый, протяжный звук удивительной красоты. И на этот звук протяжным звоном отозвались «молчавшие» инструменты, висевшие на стене мастерской. Музыка ожила.

Мастер вскочил, дрожащими руками начал пробовать еще и еще раз струны на инструментах. Дунул во флейту, она тоже ответила ему чистым голосом...

И мальчик заплакал. Послышался щелкающий голос:

— Мальчик, чего ты плачешь?

Мастер изумленно разинул рот, уставясь на попугая, который уселся на длинные кузнечные клещи, прислоненные к законченной стене. Однако мальчик не про-

явил никакого удивления. Сквозь слезы он ответил попугаю:

— Сегодня казнят Комде...— и заревел еще громче.

— Не плачь,— сказал попугай.— Ты меня так расстроил, что я чуть не позабыл спросить главное: тебе правятся мои сказки?

— Правятся...— все так же сквозь слезы сказал мальчик.

— Тогда я тебе помогу.

— Как ты можешь помочь...— продолжал всхлипывать мальчик.— Во дворце уже сложен костер, и ее...

— Я достану тебе гребень Комде,— сказал попугай.

— Гребень Комде?— Мальчик заинтересованно посмотрел на попугая и отер слезы.— Зачем мне ее гребень?

— Знай,— сказал попугай,— если взять гребень Комде и вставить его в струны твоего волшебного танбура — все запляшут, как только ты заиграешь. И палачи запляшут, и шах начнет танцевать. И пока они будут плясать...

— ...Комде убежит,— восторженно подхватил мальчик.

А попугай взмахнул крыльями и исчез за базарными постройками, над которыми поднималось солнце нового дня.

* * *

Над скалой в земле художников тоже поднимается солнце. Грустно смотрит вдаль Модан. Рядом с ним музыканты шаха — толций и низенький. Атуп Чатр говорит Модану:

— Прогони печаль от своего сердца! Сегодня на закате мы выедем в столицу Карашаха! Не пройдет и десяти дней, как ты увидишь Комде...

— Да...— говорит грустно Модан.— Но я даже не знаю, жива ли она...— Помолчал и негромко запел строки Хафиза:

— Тоской по твоим рубинам-устам сгораю до сих пор,
Еще не вино — осадок вина вкушаю до сих пор...

Низенький музыкант вздохнул:

— Ах, если бы не умерла музыка! Я сыграл бы под твою песню!

Он коснулся пальцами струв, и вдруг они ответили ему нежным звоном.

— Что это?..— дрожащим голосом сказал низенький музыкант.

— Не может быть...— взволнованно пробормотал тощий музыкант и трясущимися руками достал из-за пазухи свою болури. Дунул в нее. И болури ответила ему чистым, долгим звуком.

— Ожила! — закричали оба музыканта.— Музыка ожила!..

В сумасшедшем волнении они заиграли веселую мелодию. А Модан сказал Атуп Чатру:

— Значит, волшебный танбур нашелся!

* * *

Во дворцовой крепости, на площади, приготовлен костер: деревянный помост обложен соломой и грудами сучьев. Карашах сидит на возвышении. Вокруг теснятся придворные и стражники.

Из темницы выводят Комде. Изпурение скрыло красоту ее лица, она так исхудала, что едва не взлетает от вздохов. Комде поднимается на помост с розой Модана в руках. Оглядывает разноцветные одежды, тюрбаны придворных и дворцовые башенки. Стоят возле помоста палачи с дымящимися факелами.

Вдруг на голову Комде, словно цветной комок, падает попугай. Комде испуганно отпрянула. Попугай выхватил из ее волос гребень и взмыл вверх. Черная коса ее, раскручиваясь, падает, рассыпается по плечам. Комде говорит вслед попугаю, чуть не плачет:

— И ты против меня... Все против меня!..

Карашах, бледный от ярости, поворачивается к кривому эмиру.

— Кто выпустил попугая?!

Кривой эмир развел руками: «Не знаю». Карашах хотел сказать еще что-то. Но тут барабанщики ударили в большие барабаны, возвещая начало казни. Карашах обернулся к Комде, громко говорит:

— Комде! Откажись от любви к Модану!

Комде говорит тихо:

— Я люблю его больше своих глаз.

По знаку Карашаха барабанщики начали выбивать плясовую дробь. Палачи факелами поджигают солому. Побе-

жал вдоль помоста огонь, затрещали сучья, клубы дыма взлетели перед Комде. Она высоко поднимает голову и, глядя куда-то вдаль, обращается к Модану:

— Модан!..

Прижимает к груди розу.

— ...Коль встретишь розу на пути,
С которой счастье сможешь ты найти,
То вспомниай хоть изредка и ту,
Что не видала счастья и в цвету...

Высокие языки пламени взлетают над краем помоста. Черные клубы дыма тянутся к небу.

...Эти черные клубы показались уже из-за дворцовой стены. В отчаянии мальчик кинулся к воротам с танбуром в руках.

— Пустите меня!

Но стражники его отбрасывают. Мальчик упал, опять вскакивает, чтобы вновь броситься к воротам. К его ногам падает гребень Комде.

Сидя на выступе стены, поугай говорит:

— Вставь гребень в струны. Скорей!

Мальчик схватил гребень, вставил его в струны танбура. Подходит к воротам. Стражник поднял пилку — отбросить мальчика. Но мальчик заиграл. Раздалась удивительная плясовая мелодия. И ноги стражников сами затанцевали, и руки стали изгибаться в танце. «Куда?!» — свирено кричат стражники, но не в состоянии удержать ни рук, ни ног. Играя на танбуре, мальчик проходит мимо них.

...Окутанная черными клубами дыма, в кольце пламени, которое к ней все ближе, Комде поднимает руки и громко — на всю площадь — прощается с жизнью:

— О Верность! Я — твоя!
Я сбрасываю узы бытия!

Но тут заиграл плясовую танбур Модана. Волшебным, по-особенному звенят его струны от гребня Комде.

И начали танцевать барабанишки — палочки вывалились из их рук. И, нелепо топая ногами, затанцевали палачи. И придворные, сопротивляясь изо всех сил танцу, дрыгают руками и ногами. И шах, сам великий шах, скатился с возвышения и начал приплясывать, криво выворачивая от ярости голову и виляя задом.

Мальчик, играя на тапбуре, подбежал к костру, кричит в отчаянии:

— Комде!!

И среди клубов дыма и языков огня показалась Комде, тоже танцующая. В вихре пляски она сквозь огонь и дым выскальзывает на площадь, к стенам дворца.

Карашах пляшет и орет:

— Хватайте ее! А то убежит!

— О шах! Не могу! — хрипит кривой эмир, выделявая руками и ногами замысловатые фигуры.

Комде с желтой розой в руках пронесится мимо Карашаха, танец ее, как огонь, — стремителен и волшебен.

Над дворцом раздался деревянный хохот попугая:

— Шах! Шах! Потанцуй!

Ноги Карашаха выделяют что-то невообразимое, он кричит:

— Я отрублю вам всем головы!

Придворные в отчаянии, но остановиться не могут.

Кривой эмир слишком толст, он уже в изнеможении. Зацепился за что-то ногой и упал. Но и лежа — танцует, дрыгает ногами и руками. И другие придворные — один, второй, десятый — падают.

А Комде приблизилась в пляске к воротам, проскальзывает мимо лежащих и дергающихся стражников. Исчезает в воротах.

Играя на тапбуре, пятясь, подходит к воротам мальчик. Сидит попугай на башенке, смеется:

— Шах, шах, потанцуй!

Танцующий Карашах подпрыгивает от ярости, лицо его перекошено, он хрипит:

— Поймать и выдернуть перья!

И вдруг вся площадь закрутилась перед глазами Карашаха; слились в белесые круги, запрыгали вкось и вкривь степы дворцовых построек, башенки... Потом все это взлетело куда-то вверх.

И Карашах упал среди палачей и придворных.

* * *

Переворачивается страница старинной книги, мы читаем:

*«Беда бедой рождается всегда —
Вновь молния ударила сюда...»*

По равнине вдоль реки едут всадники: Модан, два музыканта, Атуп Чатр, несколько художников и старый Бхабани.

Навстречу им бежит по дороге какой-то человек. Подбегает, кричит:

— Умер Карашах!..

Модан и его спутники переглядываются, соскакивают с лошадей, останавливают бегущего...

Тот говорит:

— Совсем умер... Задохся от своей злости... Тапцевал и задохся...— И помчался дальше по дороге, крича: — Умер Карашах!

— Радостная весть,— говорит Атуп Чатр.

Модан сказал взволнованно:

— Я поскачу! Я хочу скорее увидеть Комде!

Атуп Чатр останавливает его:

— Приличие требует, чтобы впереди ехал посол твоего сердца... Я поскачу вперед, а ты поедешь со всеми — на полдня позади.

— Почему ты?

Атуп Чатр улыбнулся старому Бхабани:

— Что Модан верен своей любви — в этом мы убедились. Но мы не знаем — верна ли Комде.

Модан вспыхнул, сжимает кулаки:

— Комде слишком прекрасна для твоих низких мыслей!

Бхабани успокаивает его:

— Успокой свое сердце, Модан!

— Разве я тебе враг? — сказал Атуп Чатр. — Ради дружбы к тебе я поеду послом твоей любви и испытаю Комде.

Бхабани говорит ему:

— Поезжай!

Атуп Чатр вскочил на коня, крикнул Модану:

— Скоро ты увидишь свою возлюбленную!

И поскакал.

* * *

Комде в своей дворцовой комнатке ставит в вазу желтую розу — подарок Модана. Робко озирается мальчик — впуск старого Бахунатджи:

— Зачем мы вернулись сюда? Тут страшно. Карашах умер, все разбежались... Уйдем поскорей...

— Нет,— сказала Комде— Я знаю: Модан будет искать меня тут!..

Мальчик продолжает дрожащим голосом:

— Тень шаха ходит сейчас по дворцу, ищет свою голову...

— Какая тень?! — рассмеялась Комде.

Вдали послышались быстрые шаги.

— Слышишь? Это Модан! Он спешит ко мне! — Комде поправляет серьги, проводит порошком «мисси» черточку на губах, трепещет от ожидания.

Распахивается дверь. Быстро входит Атуп Чатр. Комде отшатнулась. Мальчик схватился за нож, готовый ее защищать. Но Комде взгляделась, усмехнулась:

— Ты пришел нарисовать мне синий браслет?!

— Нет,— говорит Атуп Чатр.— Я пришел сказать тебе о Модане.

Комде испуганно вскрикнула:

— Что с ним?

— Лучше бы мне не знать, что знаю! — Атуп Чатр отвел глаза.— Я пришел к тебе послом бедствия.

— Он умер? — вскрикнула Комде.

Атуп Чатр кивнул. Комде не вымолвила больше ни слова, краска сошла с ее лица. Она схватилась руками за сердце. И падает бездыханной.

— Комде! — Мальчик бросается к ней.— Модан жив! Посмотри на розу... Она как будто только что срезана... Комде, Комде!.. — трясет ее за плечо.

И Атуп Чатр пробует привести ее в чувство:

— Модан жив! Я только хотел тебя испытать! Комде! Комде!..

Но Комде не дышит. .

* * *

Вечер. Отпустив коней пастись, художники отдыхают у костра. Это то место у реки, где Модан прощался с Комде. Глядя на воду, Модан лежит возле куста. Смежает гла-

за, и, как далекий отзвук воспоминаний, возникает еле слышный голос Комде:

«Я верю, что в любом краю земли
Меня не позабудешь и вдали...»

Раздались голоса: из темноты на свет костра два художника выводят Мухаммада Мухасина Фони Нахшеби. У поэта жалкий вид, он падает на колени:

— Пощадите, о, пощадите меня!..

— Мы нашли его в зарослях,— рассказывает один из художников.— Он так пустился бежать от нас, будто взял взаймы четыре ноги у борзой собаки.

— О, пощадите!..— вопит придворный поэт.

— Здравствуйте, почтенный Мухаммад Мухасин Фони Нахшеби.

Поэт вздрогнул, уставился на Модана, радостно завопил:

— Модан?.. О благородный Модан!.. Знайте же, Гарашах меня повелел казнить из-за вас...— Хвастливо кричит: — Я повторил шаху ваши слова. Я сказал ему: ты, шах,— пустой барабан! Да! Я ему в лицо так и...— Увидел двух знакомых музыкантов, поперхнулся.— ...Не так... но все же так... хотя и не совсем... но про барабан я сказал!

Гордо на всех поглядев, обращается к Модану:

— Что со мной будете делать?

— Ничего,— пожал плечами Модан.

— О Модан!..— воскликнул поэт и перешел на стихи:

— ...Дождь милосердия из твоих очей
Пролился в пересохший мой ручей!..

Бхабани переглянулся с Моданом, оба чуть не покатались со смеху. Но поэт ничего не видит и не слышит. В самозабвении декламирует:

— ...Твоя известность поднялась в зенит,
Повсюду в мире стал ты знаменит,
А знаменитость вечно и везде
Подобна яркой утренней звезде!..

— Хватит, хватит,— остановил его Модан и говорит с

силой: — Истина в похвалах не нуждается. Только тираны нуждаются в похвалах.

Послышался топот копыт. Подъехал Атуп Чатр, соскочил с коня, говорит, задыхаясь:

— Беда!..

Модан вскочил на ноги.

— С Комде беда... И я во всем виноват!.. Нет мне искупления. Мое испытание умертвило Комде! Убей меня, Модан!

Модан пошатнулся, хватается обеими руками за сердце. И падает...

* * *

Во дворе шахского дворца, на площади, вырыта погребальная яма. Комде и Модан лежат бездыханные на ковре. Вокруг теснятся горожане.

Атуп Чатр говорит:

— Он не допел свою песню. Она не дотанцевала свой танец. Черные цветы просыпались на землю. И во всем виноват я! Я был их другом, а стал палачом. Я убил их мечом испытания. И лягу в могилу вместе с ними!

Выхватывает кинжал, чтобы заколоться. Но Бхабани удерживает его за руку.

Из толпы выскакивает мальчик с желтой розой в руках. Он кричит:

— Не закапывайте! Не закапывайте их! Модан жив...

Мастер музыкальных инструментов говорит Бхабани:

— Бедный мальчик! Он так их любил...

Мальчик кричит:

— В этой розе — сердце Модана! Видите — она не завяла и не осыпалась! А он подарил эту розу Комде на прощанье! Не закапывайте, не закапывайте их! Модан жив! Он еще нам споет песню, а Комде нам станцует!..

Атуп Чатр сказал печально:

— Мальчик сошел с ума. И в этом тоже виноват я!

— Мальчик говорит правду...

Это сказал попугай. Он появился неизвестно откуда и сел у изголовья Комде и Модана. Продолжает говорить своим деревянным голосом:

— Это не смертный сон. Это другой сон... И разбудить их может только волшебный тапбур...

— Вот он! — крикнул мальчик, протягивая танбур Бхабани.

Старый Бхабани взял танбур, оглядел народ, протянул его Атуц Чатру:

— Разбуди их ты!

Атуц Чатр взял танбур. Хотел пальцами коснуться струн, но, посмотрев на мальчика, возвращает танбур ему:

— Разбуди их ты! У тебя чистое сердце!

Шумит площадь тысячами голосов. Мальчик провел пальцами по струнам, и голоса оборвались, умолкли.

Играет на танбуре мальчик. Недвижно лежат на ковре Комде и Модан. Бхабани, Атуц Чатр, мастер музыкальных инструментов, весь народ с нетерпением, надеждой и тревогой смотрят на спящих.

И Модан открывает глаза. Увидел Комде. И она открывает глаза.

Играет на танбуре мальчик. Модан глубоко вздохнул. И вздыхает Комде. Они протягивают друг другу руки. И встают. И не могут оторвать друг от друга счастливых, сияющих глаз. Модан говорит одними губами: «Комде», но голоса его не слышно, потому что звучит танбур. И Комде говорит одними губами: «Модан».

Модан берет из рук мальчика танбур. Сыграл несколько вступительных тактов. Оторвал пальцы от струн и зашел:

— Тоской по твоим рубинам-устам стораю я до сих пор. Еще не вино — осадок вина вкушаю до сих пор...

А Комде начинает перед своим возлюбленным танец такой красоты, что все слова для него бедны.

Модан поет:

— Ах, с первого дня бесплодно желал я локонов твоих! И что мне еще любовь ниспошлет, не знаю до сих пор!..

Танцует Комде. И начинают танцевать на площади горожане. И музыканты ударили в струны, задули во флейты — среди них низенький и тощий. С торжествующей силой звучит над миром ожившая музыка.

Модан поет:

— ...О кравчий, молю! Молю о глотке из чаши огневой!

Средь ждущих любви — влюбленный Модан блуждает
до сих пор!..

Танцует Комде. Вокруг нее пляшет счастливый народ.
Этот гордый танец прекрасен, праздничен, искрится все-
ми красками жизни.

Над площадью взлетает попугай, садится на дворцовую
башенку. Сверху смотрит он на пляшущих, вертя головой
с желтым глазом, окаймленным красным кольцом. Вры-
вается оркестр, и попугай замирает. Он неподвижен и от-
ступает все дальше, делается все меньше, пока не оказы-
вается нарисованным на книжной миниатюре.

Переворачивается последняя страница старинной кни-
ги. И над орнаментом концовки, расписанной золотом, се-
ребром и разноцветными красками, поверх арабского
шрифта наплывают последние строки:

*«Поэму преданности двух сердец
Заканчивает так ее творец».*

1958

Киносценарий написан в соавторстве с В. Вятковичем.